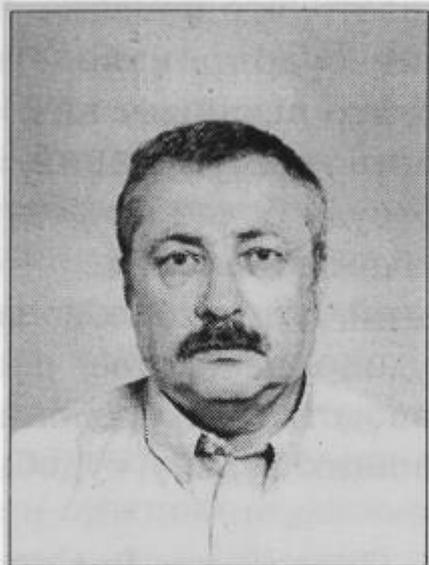

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
КЛЕАНДРОВ** —
председатель Арбитражного суда
Тюменской области,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Заслуженный юрист РФ

УДК 347.9

О НОВЫХ СУДЕБНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы качественно новых судебных технологий: посредством совершенствования действующих и внедрения новых форм судопроизводства и посредством совершенствования судоустроительной части базиса, осуществляющего правосудие, в том числе расширение юрисдикции судебных органов, формирование квазисудебных органов, улучшение работы объектов судебной инфраструктуры.

In the article the following problems of new judicial technologies are examined: through perfecting of prevailing and introduction of new forms of the court proceeding; through perfecting of the court organisation part of the foundation, which effectuates justice, including expansion of judicial agencies jurisdiction, quasi-judicial agencies forming, perfecting of judicial infrastructure objects work.

В заключении по результатам парламентских слушаний "О состоянии борьбы с преступностью и об укреплении правопорядка в Российской Федерации в современных условиях", состоявшихся сравнительно недавно, Совет Федерации отметил: "Из-за ... слабой научной обоснованности концептуальных подходов судебная реформа до последнего времени осуществлялась крайне неудовлетворительно" [1]. Нет сомнений, что более глубокому научному обоснованию необходимо теперь подвергнуть (при этом данный процесс не может быть разовым) и те направления совершенствования как судоустроительной части судебной системы страны, так и нетрадиционных форм судопроизводства, которые не были охвачены официальными документами о судебной реформе. Одним из таких направлений должны служить качественно новые, прорывные судебные технологии.

Вместе с тем следует отметить, что легального определения понятие "судебные технологии" не имеет, в официальных документах оно не упоминается, в судебной практике оно не используется, а в научно-правовой литературе оно встречается крайне редко и то мимоходом.

Видимо, особых возражений против тезиса о том, что судопроизводство в нашей стране сегодня осуществляется в довольно архаичных формах, сформулировать невозможно. Эти формы нужно совершенствовать, притом самыми различными способами, но вряд ли можно сказать, что понятие "новые судебные технологии" и "совершенствование судопроизводства" синонимичны. Одновременно можно отметить: ясно, что речь идет не о более рациональном использовании современных средств коммуникаций, информационной обработки баз данных, позволяющих суду более эффективно работать и т. п., хотя и здесь мы практически топчемся на месте.

Относительно той части новых судебных технологий, которые включают в себя совершенствование существующих форм судопроизводства, равно как и внедрение качественно новых форм судопроизводства, определенную понятийную ясность вносят два важных, определяющих судьбу судебной реформы в России документа.

В решении № 1 Совета по судебной реформе при Президенте России от 12 марта 1997 г. "Перспективы судебной реформы в Российской Федерации в связи с ее вступлением в Совет Европы" одной из основных задач судебной реформы на ближайшее время названо существенное повышение эффективности судебной власти, уровня судопроизводства за счет совершенствования и дифференциации форм судопроизводства. Поскольку дифференциацией форм судопроизводства по сути дела является "дробление части" юрисдикционных полномочий судов общей юрисдикции, т.е. углубление "специализированности" судебных органов с наделением их собственным процессуально-процедурным законодательством (как и собственной судебной инфраструктурой), вопрос — а будет ли обеспечено "существенное повышение эффективности судебной власти, уровня судопроизводства" только за счет создания специализированного судопроизводства или же новые, специализированные формы судопроизводства будут включать в себя новые судебные технологии, остается открытым. Это же относится к тезису о совершенствовании судопроизводства. В мотивировочной части Решения № 2 Совета по судебной реформе при Президенте России от 12 марта 1997 г. "О практике реализации новых форм уголовного и гражданского судопроизводства" сказано, что такие формы судопроизводства, как рассмотрение дел судьей единолично, рассмотрение дел судом присяжных, рассмотрение дел с участием арбитражных заседателей представляют собой прогрессивные формы судопроизводства, соответствующие Концепции судебной реформы в Российской Федерации, и должны получить дальнейшее развитие и распространение [2].

Но судопроизводство — это процесс; совершенствование форм судопроизводства означает совершенствование процессуального законодательства. Для того чтобы усовершенствовать, качественно улучшить отдельные направления и целые формы судопроизводства, тем более внедрять новые формы, необходимо, в первую голову, много усовершенствовать в судостроительной части организационно-правового механизма, осуществляющего в нашей стране правосудие. Таким образом, даже если свести понятие "новые судебные технологии" к понятию "новые формы судопроизводства", потребуются новые организационные формы судостроительства (либо приспособление существующих форм к новым задачам).

Формы судопроизводства, как новые, так и старые, осуществляемые организационными структурами судостроительных форм — это часть судебных технологий. Прекрасный образец качественно новой судебной технологии у нас — институт судебных приказов, задействованный в 1995 г. и

базирующийся на новой главе XI-I ГПК РФ. Этот институт нельзя отнести только к базирующемуся на процессуальном законодательстве; судеустроительная часть его фундамента также исключительно важна. Есть смысл и в арбитражном судопроизводстве создать механизм, аналогичный созданному главой XI-I ГПК РФ, основанный на внесудебной выдаче судебного приказа по заявленным предпринимательской структурой требованиям: а) о взыскании суммы признанной претензии; б) о взыскании с должника и его поручителей задолженности, образовавшейся в результате просрочки платежей по кредитным операциям кредитных учреждений; в) о взыскании сумм по требованиям, основанным на протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, совершенном нотариусом; г) о взыскании задолженности по расчетам за продукцию, товары, работы и услуги при условии предоставления документов, подтверждающих заявленное требование и признание должником заявленного требования в любой форме. Здесь потребуются внесение изменений и дополнений в федеральные законодательные акты, в том числе и в материально-правовые, а не только в АПК РФ. В будущем, когда будут созданы иные специализированные федеральные судебные системы (и специализированные федеральные моносуды), вполне возможна и изначальная там деятельность аналогичного института — такой особой судебной технологии.

Необходимо при этом подчеркнуть — все будущие судебные технологии должны имманентно включать в себя, в качестве особого сегмента, действие п. 4 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которым международное право объявлено составной частью внутреннего законодательства. Больше того, все наши старые и новые судебные технологии должны учитывать то, что если федеральный (тем более — субъекта Федерации) закон противоречит положениям международного договора, то приоритет отдается международным обязательствам России по этому договору.

Практически также обстоит дело с сегментом, "включение" которого в судебные технологии обусловлено пробельностями в законодательстве и обязанностью суда вынести решение, дать ответ по любому возникшему на практике делу. Теоретической основой постановки вопроса в такой плоскости служит не только наличие права судебной власти (Конституционному Суду России) объявлять решения двух других ветвей власти неконституционными, что дает основания исследователям говорить о судебном всесии, о супермации (верховенстве) суда в социальной сфере [3], но и на учении о беспробельности системы позитивного права, исходящего из представления, что всякий жизненный вопрос имеет свой ответ в законе, необходимо лишь уяснить его содержание и волю законодателя [4]. На практике это означает, что суд, судья не может отказаться от разрешения дела по мотиву неполноты, неясности, противоречивости закона либо его отсутствия; отказ в правосудии недопустим. Проблема решается использованием судебного усмотрения, основной формой которого считают [5] конкретизацию субъективных прав и обязанностей (а выбор судом предусмотренных законом альтернатив — в качестве частного случая конкретизации), второй формой — применение норм факультативного характера, а третьей — применение аналогии закона и аналогии права; этот подход поддерживается и современными исследователями [6]. Если к сказанному добавить, что в числе источников гражданского права новый ГК РФ (ст.ст. 5 и 6) называют также обычай делового оборота и требования добросовестности, разумности и справедливости, то следует признать, что сложности с "включением" в судебные технологии обязанности суда при осу-

ществлении правосудия в условиях отсутствия или "дефицитности" законов, подлежащих непосредственному применению при рассмотрении конкретного дела, значительно возрастают.

Особняком здесь стоит проблема прецедентного права. Оно-то (прецедентное право) де-факто внедряется в практику как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов (в последних — в форме, прежде всего, постановлений Президиума ВАС РФ при рассмотрении конкретных протестов по арбитражным делам), поэтому в судебные технологии, в основном в процессуальных нормах, его и следует элегантно "вмонтировать". Это пожелание, разумеется, небесспорно, но то обстоятельство, что судебные прецеденты в осуществлении правосудия имеют сильные положительные стороны, представляется очевидным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в понятие "новые судебные технологии" входит совершенствование судопроизводства, его новые формы, но этим искомое понятие отнюдь не ограничивается. В значительной мере речь должна идти и о расширении судостроительной части понятия. Прежде всего — о принципиально иных судебных органах и о так называемых квазисудебных органах.

К принципиально иным судебным органам следует, видимо, отнести судебные органы, не входящие в судебную систему страны, не являющиеся государственными. Это — третейские суды, которые в нашей стране сегодня существуют в трех видах: а) действующие на основе Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденного постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. (получили довольно широкое распространение как в форме постоянно действующих судов, так и разовых); б) действующие на основе Закона РФ от 7 июля 1993 г. "О международном коммерческом арбитраже"; в) создаваемые в разовом порядке и действующие на основе приложения № 3 к ГПК РФ 1964 г. Однако у нас до сих пор нет федерального закона о третейских судах, и это сильно сдерживает развитие данной перспективной формы урегулирования экономических споров.

С серьезной "натяжкой" к "иным" судебным органам можно отнести органы государственной власти Федерации и ее субъектов, безусловно, не входящие в судебную систему и обладающие специальными юрисдикционными полномочиями в исключительной сфере. Примером может служить Федеральное Собрание, наделенное статьей 93 Конституции РФ правом привлекать к ответственности Президента РФ за совершенные им тяжкие преступления. В юридической литературе высказано мнение: Совет Федерации осуществляет юрисдикцию особого суда [7].

В качестве параллели "иного" суда можно назвать суды аксакалов в Киргизии. Они создаются в соответствии со ст. 79 п. 2 и ст. 85 Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. и действуют на основе Временного положения о судах аксакалов в Кыргызской Республике, утвержденного Указом Президента Кыргызстана от 25 января 1995 г. В компетенцию судов аксакалов входят: рассмотрение дел об административных нарушениях, разрешение имущественных, семейных и других споров, а также уголовные дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, если следственные органы с санкции прокурора или суд сочтут необходимым передать аксакальскому суду такие дела. Можно было бы провести параллель между институтом суда аксакалов в Киргизии и институтом мировых судей в России (но последние финансируются из госбюджета, причем федерального), если бы не одно важное обстоятельство — суды аксака-

лов практикуют (судя по информации Бюро по правам человека и соблюдению законности от 11.01.96 г. [8]) и телесные наказания, и пытки, и создание зинданов; имел место даже случай, когда суд аксакалов села Бакаир Кара-Бурунского района Таласской области 6 июня 1995 г. "велел выбранным в тот же день дружинникам утопить тяжело изувеченного человека в арыке".

Что касается квазисудебных органов, то классическим образцом такого органа можно назвать Судебную палату по информационным спорам при Президенте Российской Федерации. В литературе высказаны мнения о целесообразности расширения числа квазисудебных и административных юрисдикций, которые в предварительном порядке в упрощенной процессуальной форме разрешали бы жалобы по пенсионным, трудовым, семейным, налоговым и иным спорам в рамках органов государственного и местного самоуправления (В. Ярков [9]); об образовании судов чести (В. Кашепов [10]); о развитии под эгидой местных органов власти системы квазисудебных органов, предназначенных для урегулирования конфликта с согласия сторон с учетом местной обстановки, обычаев окрестных жителей и с минимальным обращением к нормам законодательства (С. Пашин [11]) и др.

Международно-правовой основой для создания и деятельности квазисудебных органов в нашей стране должна служить Рекомендация № R(86)12 "Комитет министров — государствам-членам относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды", принятой Комитетом министров Совета Европы 16 сентября 1986 г. на 399-м заседании заместителей министров. Там прямо рекомендуется: "III. Определить соответствующие органы, не входящие в судебную систему, в которую могут обращаться стороны для разрешения исковых споров на небольшие суммы и по вопросам некоторых конкретных областей права. IV. С помощью необходимых средств и в соответствующих случаях принять меры для упрощения доступа к альтернативным способам разрешения споров и повышения их эффективности в качестве процедуры, заменяющей судебное разбирательство".

А в другой Рекомендации — № R(87)18, принятой Комитетом министров Совета Европы 17 сентября 1987 г. на 410-м заседании заместителей министров, содержатся предложения относительно упрощения уголовного правосудия путем "внесудебного урегулирования органами, компетентными в уголовных делах, и другими правоприменяющими органами в качестве возможной замены уголовного преследования".

Примером существующего в России квазисудебного органа узкоцелевого назначения может служить Федеральная энергетическая Комиссия Российской Федерации по рассмотрению разногласий, связанных с государственным регулированием тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации, действующая на основании специальных Правил, утвержденных постановлением федерального Правительства от 15 сентября 1997 г. №1174. Правила эти не только регулируют всю процедуру рассмотрения указанных разногласий, но и определяют порядок и размеры уплаты сбора за рассмотрение таких разногласий; однако они не содержат указания о возможности передачи разногласий на разрешение арбитражного суда (или суда общей юрисдикции) в случае не достижения между членами Комиссии согласия, либо если одна из сторон спора не согласна с решением Комиссии (вообще возможность обжалования решения Комиссии Правилами не предусмотрена).

Дополнительными доводами за внедрение новых судебных технологий в форме образования (с наделением соответствующей материально- и про-

цессуально-правовой законодательной базой) квазисудебных органов в нашей стране могут служить следующие обстоятельства. Во-первых, наверняка будет меньше случаев самосуда. Анализ опубликованных в периодической печати [12]) случаев самосуда (в гг. Казани, Нижнекамске, Волжске...) позволяет сделать косвенный вывод о том, что одной из причин самосудов (это не только российское явление, достаточно вспомнить суд Линча) является неэффективная деятельность правоохранительных и государственных судебных органов, а эта неэффективность зачастую обусловлена их чрезмерной загруженностью и общей слабой "пропускной способностью". Во-вторых, неразвитость или полное отсутствие квазисудебных органов приводит к еще большей нагрузке государственных судебных органов за счет элементарного сутяжничества. Проблема "засорения" судебной системы делами, которые можно квалифицировать в качестве сутяжничества (даже без четких дефиниций на этот счет) также не только российская. В США, например, в штате Мичиган даже создано Мичиганское общество по выявлению необоснованных исков, а в штате Техас судьи получили право штрафовать тех, кто "засоряет юридическую среду" исками, высосанными из пальца [13]. Но, видимо, лишь у нас сутяг правомерно приравнивают к стихийному бедствию [14]. При этом мы еще не столкнулись с таким явлением, широко известным на Западе, когда страхование судебных издержек поощряет возбуждение необоснованных исков. Правда, мы не используем и такую форму борьбы с сутяжничеством, как залог для возмещения возможных расходов, которые могут понести ответчики.

Вообще же различные несудебные формы правовых споров широко распространены на Западе в качестве альтернативы существующей судебной системы, как следствие ее негативных качеств — дороговизны, длительности, сложности. В США, например, как отмечают наши исследователи [15], эта параллельная система получила название альтернативных средств разрешения споров (АДС) и охватывает разнообразные процедуры регулирования конфликтов между сторонами: арбитраж, посредничество (сегодня в США работает более 300 общественных посреднических центров, а также множество частных коммерческих организаций, осуществляющих посредническую деятельность по разрешению споров), "mini-суд", независимая экспертиза и др.

В качестве новых судебных технологий можно, видимо, рассматривать и настойчиво стучающуюся в двери наших уголовного, гражданского и арбитражного процессов необходимость минимизации числа представителей потерпевших в коллективных (групповых) исках. Сегодня в случаях с "финансовыми пирамидами" число потерпевших достигает сотен тысяч. Предварительное следствие, как и судебное следствие по уголовному делу, рассмотрение гражданских исков в суде общей юрисдикции тянутся годами. Беда в том, что наше судебное (процессуальное) право на такой "объем" потерпевших не рассчитано и на минимизацию числа представителей потерпевших не нацелено.

Между тем — зарубежный опыт свидетельствует — проблема эта вполне разрешима. В США, например, возможность процессуального механизма "коллективных исков", позволяющего одному человеку подать иск от имени членов определенной группы, находящихся в подобном же положении, базируется на правиле № 23 федеральных Правил гражданского процесса, а также на гражданском процессуальном законодательстве штатов [16]. Причем коллективные иски (другой исследователь [17] такие иски называет "груп-

повыми") могут быть как "прямыми", когда, например, иск подается акционером от своего имени в случае, если ущерб был причинен именно ему (и группе других акционеров), так и "производными" (другой исследователь [18] такие иски именуется "косвенными"), когда иск предъявляет, например, акционер от имени корпорации в целях возмещения убытков, причиненных корпорации, действиями управляющих корпорацией.

В принципе, в п. 3 ст. 53 ГК РФ сказано о том, что лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Оно обязано по требованию учредителей (участников) юридического лица, если иное не предусмотрено законом или договором, возместить убытки, причиненные им юридическому лицу. Таким образом, "эмбрион" возможности предъявления производного коллективного иска в материально-правовом законодательстве заявлен; необходимы адекватные институты в процессуальном законодательстве. Создание в нашей стране соответствующего по эффективности задачам дня организационно-правового механизма для предъявления и рассмотрения коллективных (групповых) исков, как прямых, так и косвенных (производных), базирующегося на развернутом материальном, а еще более важно — процессуальном законодательстве — насущная проблема; ее решение — это внедрение новой судебной технологии.

Точно также о новых (либо о расширении диапазона старых) судебных технологиях можно говорить и в тех случаях, когда в судебную юрисдикцию законодательно включается разрешение дел, которые до этого разрешались иным, например, административным путем. Аналогичная ситуация, по всей видимости, возникает, когда происходит "передача" (на основе изменения или дополнения закона) судебной формы решения той или иной категории (группы) дел из юрисдикции одной судебной системы в другую (например, в литературе [19] предлагается отнести к подведомственности арбитражных судов такую категорию дел, как прямой судебный контроль за соответствием закону подзаконных актов — нормативных актов государственных органов, а также органов местного самоуправления); либо из одного звена другому в рамках одной судебной системы (например, в литературе [20] обоснованно предлагается передать федеральным арбитражным судам округов споры с участием исполнительных и законодательных органов субъектов Федерации, чтобы окончательно лишить эти органы воздействия на правосудие). Во всех этих случаях создаются новые правовые возможности для судебной формы разрешения дел, а значит — и новые судебные технологии.

В начале статьи сказано о том, что введение института выдачи судебного приказа в гражданском судопроизводстве — классический образец новой судебной технологии. В ближайшем будущем предполагается внедрение этого новшества и в арбитражное судопроизводство. Новый институт — сегмент режима упрощенного судопроизводства. К нему можно присовокупить и институт заочного решения по гражданскому делу [21] и некоторые иные. Формально говоря, до настоящего времени в арбитражном судопроизводстве действует один единственный режим — общий (универсальный), никак не дифференцированный. С введением института судебного приказа в арбитражном процессе будет два арбитражно-процессуальных режима — общий и упрощенный. Вполне логичным представляется введение и третьего — противоположного по отношению к упрощенному — режима, условно

именуемого чрезвычайным. По сути это будет дифференциация сегодняшнего универсального режима в сторону отчленения заведомо сложных (по предмету, по основанию, по количеству участников, по запутанности правоотношений и по ряду иных признаков) дел, которые и сейчас существуют, но рассматриваются в обычном режиме, а по идее — процессуальный режим их рассмотрения должен быть необычным, усложненным.

Видимо, в таком усложненном режиме должны рассматриваться — по категориям и группам дел — все дела о банкротстве; дела с участием иностранных лиц; дела о защите чести, достоинства и деловой репутации; дела, где количество сторон в споре более двух; дела, где оспариваются документы, оформленные в нотариальном порядке; дела, возвращенные из кассационной и надзорной инстанций вновь на рассмотрение по первой инстанции; дела по искам, где стороны прошли (но не достигли согласия) стадию претензионного урегулирования спора и некоторые иные. Безусловно оба новых процессуальных режима — и упрощенный, и чрезвычайный или усложненный (последний и в гражданском процессе уместен) — это новые судебные технологии.

В принципе, новыми судебными технологиями являются рассмотрение дел с присяжными (уголовных дел) и с арбитражными (арбитражных дел) заседателями (о введении в гражданское судопроизводство суда присяжных в литературе [22] высказано отрицательное мнение).

Особенностью чрезвычайного (усложненного) арбитражного процессуального режима должно стать, по всей видимости, и то, что далеко не все решения, вынесенные при рассмотрении дел с участием арбитражных заседателей, должны иметь возможность быть обжалуемы, по крайней мере в апелляционную и надзорную инстанции. Здесь нужно следовать Рекомендации № R(95)5 относительно введения в действие и улучшения формирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам, принятой Комитетом министров Совета Европы 7 февраля 1995 г. на 528-м заседании заместителей министров. В статье 3 этой Рекомендации, определившей вопросы, исключаемые из права на апелляцию, указано: для обеспечения того, чтобы суд второй инстанции рассматривал только надлежащие вопросы, государствам следует рассмотреть возможность принятия некоторых или всех ниже перечисленных мер, в числе которых названы: а) исключить ряд категорий дел, например, исковых требований на небольшую сумму; в) ввести требование о получении разрешения суда на подачу жалобы...; d) отсрочивать осуществление права на обжалование по ряду промежуточных вопросов до подачи главной жалобы по основному делу. В числе мер по предупреждению любых злоупотреблений системой обжалования Рекомендация называет разрешение суду второй инстанции отклонять в соответствии с упрощенной процедурой любые жалобы, которые представляются ему явно необоснованными, неразумными или поданными с намерением досадить; в этом случае, указывает Рекомендация, можно предусмотреть применение таких санкций, как наложение штрафа. А что касается жалоб в суд третьей инстанции, то в этой Рекомендации прямо сказано: их круг может быть также ограничен жалобами по тем делам, которые касаются вопросов права, имеющих значение для всего общества в целом; при этом от лица, подающего жалобу, следует требовать обоснование того, почему его дело будет способствовать достижению таких целей.

Вмонтажирование в наше гражданско- и арбитражно-процессуальное законодательство положений названной Рекомендации будет означать внедрение новых судебных технологий в апелляционное и кассационное судопроизводство.

Можно привести еще множество предложений о совершенствовании материально- и процессуально-правовой основ осуществления правосудия, которые можно рассматривать в качестве новых судебных технологий (это и исключительно устное разбирательство дел, устное судебное производство, и обмен состязательными бумагами, и дистанционное судопроизводство (за рубежом есть интересная в этом плане практика, например, в некоторых штатах США судебные процессы в отдельных случаях ведутся по телефону, когда суд, адвокат, подсудимый и другие участники процесса находятся в разных городах) и многие другие.

Внедрению новых судебных технологий (как и совершенствованию, повышению эффективности "старых", апробированных жизнью) должно способствовать адекватное, сопровождающее создание новых объектов судебной инфраструктуры. Речь идет как о вспомогательных службах самих судебных органов (экспертные учреждения, институт судебных приставов обоих видов и многие другие), так и об объектах, внешних для судебных органов — страховые организации, институт судебных поверенных, институт залоговиков и т. д.

Сюда же нужно включить организационно-технические меры, гарантированно обеспечивающие безопасность потерпевших и свидетелей, в том числе в суде, в зале судебного заседания (в городском суде г. Таллинна (Эстония), например, смонтирована система для искажения тембра голоса при допросе свидетеля, а также аудиовидеотехника для фиксирования и просмотра всех деталей судебного заседания; предусмотрена возможность допроса судьями в процессе свидетеля, находящегося вне суда), может быть, использование в ходе судебного процесса (обязательно с согласия допрашиваемого и только в исключительных случаях) гипноза [23] для активизации в памяти допрашиваемых лиц забытых ими важных обстоятельств криминальных событий и пр.

Вне всяких сомнений, внедрение новых судебных технологий будет малопродуктивным, если институт адвокатуры в нашей стране будет прежним — и в количественном, и в качественном отношении. Сегодня требуется более эффективное и существенно более квалифицированное юридическое сопровождение потерпевших и обвиняемых в уголовном процессе, истцов, ответчиков и третьих лиц в гражданском и арбитражном процессах.

Более того, необходим унифицированный подход к квалифицированному представительству в судопроизводстве, необходимо жесткое лицензирование лиц, представляющих интересы сторон в любом судебном процессе. Существующий сегодня механизм лицензирования деятельности по оказанию платных юридических услуг, утвержденный постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. № 344, не отвечает современным требованиям. Практика свидетельствует о многих случаях, когда оказание — из самых благих побуждений — неквалифицированной юридической помощи влекло тяжкие отрицательные последствия. При этом лицензирование должно быть дифференцированным. В США, например, сегодня около миллиона лицензированных адвокатов (может быть поэтому в США на душу населения приходится в 30 раз больше судебных исков, чем в Японии?), но, в частности, из трех с половиной тысяч лицензированных адвокатов, функционирующих в Цинциннате, только 75 могут выступать по делам о банкротстве.

Впрочем, квалифицированная (и лицензированная) юридическая помощь необходима и для того, чтобы вообще не возникали споры, не приходилось обращаться в суд. Прежде всего это актуально для экономики — при правовом сопровождении сделок, договоров, контрактов; в процессе урегулирова-

ния просроченных долговых обязательств; при "развязывании узла неплатежей" между хозяйствующими субъектами, дислоцирующимися в одном регионе, и т. д.

Очевидно, что поиск, обоснование и внедрение в нашу повседневную деятельность новых судебных технологий должны иметь соответствующее научное обеспечение. Вообще следует отметить, что научные исследования в сфере судебно-правовой проблематики у нас всегда велись лишь разрозненными силами отдельных ученых-энтузиастов. А в условиях сегодняшнего дня о создании мощного НИИ судебной реформы и мечтать не приходится, да и на пустом месте он не возникнет.

Но создать научно-исследовательский центр новых судебных технологий можно и нужно. Представляется, что он должен: создаваться для всех судебных систем страны в качестве самостоятельной организации, а не как подразделение одного из высших судов страны; работать в автономном режиме, решая фундаментальные, а не прикладные задачи; быть небольшим по численности, но хорошо оснащенным технически и иметь полномочия и реальные возможности проводить локальные эксперименты в сфере внедрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета. 1997. 1 октября.
2. Российская юстиция. 1997. № 6. С. 5-6.
3. Цихоцкий А. В. Самостоятельность судебной власти и право суда на нормотворчество. Новосибирск, 1995. С. 11.
4. Цихоцкий А. В. Научная дилемма о компетенции суда в ходе правоприменения // Российский юридический журнал. 1996. № 2. С. 89.
5. Комиссаров К. И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 62.
6. Терехова Л. А. Роль судебного усмотрения в разрешении жилищных споров // Российский юридический журнал. 1996. № 2. С. 99-100.
7. Цихоцкий А. В. Самостоятельность судебной власти..., с.10.
8. Независимая газета. 1996. 30 января.
9. Хозяйство и право. 1997. № 3 С. 61.
10. Российские вести. 1996. 18 января.
11. Пашин С. Новые возможности развития судебной системы России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 2. С. 22.
12. Труд. 1997. 19 сентября.
13. Российские вести. 1997. 18 июля.
14. Российская газета. 1997. 26 сентября; Российская газета. 1997. 6 июня.
15. Носырева Е. И. Посредничество в урегулировании правовых споров: опыт США // Государство и право. 1997. № 5. С. 109-114.
16. Сыродаева О. Судебные способы защиты прав акционеров в США // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 52-53.
17. Аболонин Г. О. Групповые иски в законодательстве и судебной практике США // Российский юридический журнал. 1997. № 1. С. 141-147.
18. Мальцев П. Косвенные иски акционеров в судебной практике США // Российский юридический журнал. 1996. № 1. С. 95-104.
19. Завидов Б. О некоторых противоречиях арбитражного процессуального законодательства // Хозяйство и право. 1997. № 9. С. 124.
20. Анохин В. Проблемы арбитражного суда и процесса // Хозяйство и право. 1997. № 4. С. 180.
21. Масленникова Н. И. Заочное решение по гражданскому делу // Российский юридический журнал. 1996. № 4. С. 14-21.
22. Шишкин С. А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М.: Юридическое бюро "ГОРОДЕЦ", 1997. С. 33-35.
23. Гримак Л. П., Хабалов В. Д. "Следственный гипноз" и права человека // Государство и право. 1997. № 4. С. 46-49.